

НАША СТРАНА

Год издания—51-й. Буэнос Айрес, суббота 8 июля 2000

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, sábado 8 de julio de 2000 N° 2603-2604

ВИКТОР ТРОСТНИКОВ (Москва)

ПОМАЗАННИК СПАСЕТ РОССИЮ

К 82-ОЙ ГОДОВЩИНЕ ЦАРЕУБИЙСТВА

1. ВЕРХОВАЯ ВЛАСТЬ: КАК СДЕЛАТЬ ЭТО ИГО ЛЕГКИМ?

Человек не может существовать без других людей, он тянется к ним, зависит от них, но вместе с тем ему очень трудно ужиться с ними. Мало того, что они постоянно раздражают его своими поступками и высказываниями, — они то и дело стремятся ущемить его интересы в пользу своих собственных. И эта неприятность неустранима, ибо подавляющее большинство людей устроено так, что хочет получить больше, чем отдавать, а всем осуществить такое желание невозможно. Отсюда социальная напряженность истории, время от времени прорывающаяся бунтами, войнами и революциями.

Создается впечатление, что на нас лежит какое-то проклятие. Да, так оно и есть! Противоречие между личным и общественным бытием представляет собой одно из главных последствий первородного греха. Народу, произошедшему от падших предков, было дано наказание вечно мучиться проблемой общественного жизнеустройства. Библия иллюстрирует это рассказом о трудностях совместного жития еврейского народа, которые ослабевали, когда он приближался к Богу, и усиливались, когда от Него отходил.

Если народ достигнет высшей степени благочестия, то есть вернется к догреховному состоянию, никакая внешняя регулировка человеческого поведения вообще не будет нужна, как не нужна она была в Эдеме. За всю историю был, кажется, только один случай, когда идеал осуществился, — период "судей" в древнем Израиле. Народ, только что избавленный Богом от египетского плена, преисполнился к нему благодарностью и стал выполнять Его заповеди, так что "в те дни не было царя у Израиля: каждый делал то, что ему казалось справедливым" (Суд 21, 25).

В реальном обществе гражданам приходится делать многое такое, что им делать не хочется, и делать это их за-

ставляет власть. Для этого она, собственно, и существует. Кое в чем люди подчиняются ей добровольно — либо по смирению, либо из уважения к ней и признания ее авторитета. Такое подчинение отрицательных эмоций не вызывает. Они начинаются там, где воля начальства превышает меру доверия к нему и возникает ощущение насилия. И, конечно, на людей давят и неперсонифицированные факторы — экономика и бюрократия. Людской произвол и слепые механизмы принуждения — это две зоны дискомфорта, но вторая не так болезненна, ибо подчинение тут не связано с конкретными лицами и воспринимается как нечто фатальное. Соотношение принуждающих моментов может меняться, поэтому можно ставить вопрос о том, какая форма верховной власти является оптимальной. Если уж в силу нашей греховности это зло неизбежно, то надо хотя бы сделать его минимальным.

2. НУЖЕН ЦАРЬ, НО ОН НЕВОЗМОЖЕН

Очевидно, наилучшей должна быть признана та власть, при которой дискомфорт подчинения, испытываемый подданными, минимален. А это зависит не только от власти; но и от самих подданных.

Возьмем крайний случай. Представим, что все граждане — такие же ревностные христиане, как люди, носившие это имя в древнем Риме первых веков. Тогда законом для них будет то, что говорит о власти Священное Писание, в частности, то, что говорили о ней верховные апостолы Петр и Павел. Первый сказал: "Слуги, со всяким страхом повинуйтесь господам" (1 Пет. 2,18), а второй добавил: "Всякая душа да будет покорна высшим властям" (Рим. 13,1). Для тех, кто выполняет эти законы, никакого конфликта между "я" и "они" возникнуть не может, какими бы эти обладающие властью "они" ни были. Значит, хорошей надо считать ту власть, которая не

только распоряжается, но и воспитывает в тех людях, которыми она распоряжается, христианское отношение к миру. Ведь с таким отношением выполнять свои гражданские обязанности гораздо легче, чем с любым другим. Хорошо также, когда власть старается облечь неизбежное насилие в безличные формы, заменяя волевое принуждение объективными средствами воздействия, — например, одинаковым для всех порядком.

Какая же форма верховной власти лучше других способна делать это? Непосредственным воспитанием христиан власть заниматься не может, это прерогатива священнослужителей. Следовательно, хорошей надо признать ту власть, которая содействует усилению влияния Церкви: строит храмы, субсидирует духовные училища и семинарии, покровительствует монастырям. В принципе, такую линию может проводить любое достаточно умное и дальновидное правительство, но наиболее твердой и последовательной она будет в том случае, когда власть принадлежит одному лицу и это лицо является верующим. При коллегиальной форме правления гарантированной принципиальности социальной стратегии быть не может, ибо там все зависит от сиюминутного расклада мнений. Не может быть и подлинного уважения к власти, тем более любви к ней, если она не единолична. Решение Думы или совета министров всегда придирчиво критикуется публично, решение же харизматического вождя она принимает с энтузиазмом и охотно ему подчиняется.

Способ обретать харизматического вождя и спасителя известен народам с незапамятных времен и широко практиковался в мировой истории: он состоит в помазании на царство, торжественно и принародно совершаемом Церковью над неким избранником, который с этого момента делается "иным человеком" (1 Цар. 10,6).

Монархия, понимаемая как власть Божьего Помазанника,

замечательна и тем, что обладает внутренней устойчивостью. Монарх, нуждаясь в удостоверяющей его богоизбранничестве Церкви, проявляет к ней всемерную заботу, а Церковь, нуждаясь в его покровительстве, молится за него и поднимает его авторитет в народе. А поскольку и для самого народа иго царевой службы является самой естественной формой несения тягла, то монархическую систему могут поколебать лишь внешние силы, да и то лишь в том случае, если их наступление будет хорошо организовано.

Именно хорошо организованному штурму подверглась русская монархия. Можно только удивляться, как четко он был проведен. Первыми ринулись в атаку дворяне-декабристы, возведшие такую хулу на царя, что она посеяла недоверие к нему во всех высших слоях общества. Затем вперед пошли разnochинцы, сеявшие материализм и безбожие. Наконец двинулись в свой "последний и решительный бой" большевики и эсеры, и царь был свергнут. С падением монархии кончается многовековой творческий период нашей истории. Душа отлетела от России.

Можно ли ее спасти? В принципе, можно — для этого достаточно обрести ее спасителя, а из сказанного выше мы знаем, что это дело вполне рукотворное, хотя и требующее выполнения одного условия. Божий Помазанник, который спасет Россию, должен быть настоящим, а не игрушечным. Но для этого необходимо, чтобы реальным для народа был тот Бог, у Которого он просит царя, то есть чтобы народ был верующим. Если это условие не будет выполнено, венчание на царство окажется не Таинством, а лишь обрядом, будет не онтологическим, а психологическим актом, а ведь спасти Россию нужно онтологически. А верующий народ по заказу не создается.

Вот мы и добрались до главного. У нас иногда спорят о том, с чего началась наша национальная трагедия: с того,

что мы поверили в перестройку, или с того, что еще раньше мы поверили в коммунизм? На самом деле она началась не с веры, а с неверия.

Итак мы спустились вниз по трем ступенькам. На первой мы потеряли веру в Небесного Отца. На второй, вследствие этого, мы потеряли отца земного, нашего “Удерживающего”: восемьдесят два года назад был убит Император Николай Второй. На третьей, вследствие этого, потеряли сопротивляемость к разрушительным воздействиям и стали разрушаться. Следующая ступенька — дно могильной ямы. Если мы считаем, что ложиться туда нам еще рано, нам следует выбираться наверх, то есть пройти те же ступеньки в обратном порядке. Это значит, что сначала мы должны обрести царя, а потом — веру. Но ведь царь без веры не может быть настоящим царем, следовательно, по всей логике, получается, что обратного пути для нас нет. Как мы видим, теория дает для нас неутешительный диагноз: мы обречены уйти с исторической сцены, как когда-то ушли с нее этруски или хетты.

3. ПРАКТИКА: ВСЕ НЕ ТАК УЖ БЕЗНАДЕЖНО

В самые тяжкие моменты нашей истории, когда казалось, что все кончено, обязательно отыскивались люди, которые вопреки фактам и логике верили в возрождение России и не только верили, но и действовали, увлекая за собой других. Такими не опустившими руки людьми являются сегодня русские монархисты. Многие смотрят на них, как на чудаков, качают головами: “Как это в наше время можно говорить о царе!” — а их это не обескураживает, и они гнут свою линию. И, как ни странно, добиваются зримых результатов.

Ну, а как же главное препятствие к возвращению царя — потеря веры? Как собираются обойти его монархисты?

Вот тут-то и проявляется их оптимизм. Они говорят: Да, сегодня истинных православных христиан еще немного, но уже больше чем вчера, их число явно растет. А поскольку Россия — страна чудес, завтра это “малое стадо” может стать большим, и его политический выбор окажется решающим. К такому повороту национального сознания необходимо готовиться уже сейчас.

ВИКТОР ТРОСТНИКОВ

БИБЛИОГРАФИЯ

J. Glad. “Russia Abroad” (Tenafly, 1999).

Козьма Прутков предостерегал: “Нельзя объять необъятное!”

Американский профессор Джон Глад к этому совету не прислушался, и, вероятно, зря! Если бы он посвятил свою работу только третьей волне (которая ему, видимо, духовно ближе и понятней, и с представителями которой он имел многочисленные интервью), он бы мог рассказать о ней подробнее. А поставив себе задачу описать историю всех трех эмиграций, да еще и присоединив к ним таковую эмиграцию царского времени и даже времен Московской Руси (а то и Киевской!), он взялся за работу, для которой даже 736 страниц большого формата оказались явно недостаточными.

Трудно и расценивать труд подобного размера, а главное — пытающийся охватить столь обширные и разнообразные темы...

Попробуем все же сделать некоторые замечания как общего характера, так и о деталях.

Насчет сих последних, — нас несколько коробят написания имен, построенные больше на фонетической транскрипции, чем на исторических данных. Странно выглядит для нас Gertsen вместо Herzen и уже совсем нелепо Fryulikh вместо Froehlich (соответствующее русскому Фрелих). Неясно почему — налицо резкое расхождение между основным текстом книги и пространственными примечаниями в ее конце (под названием Annotated index).

Так, в соответствующем месте, Глад говорит, что Владимир Мономах был женат на дочери английского короля Гарольда, Гите. В примечаниях же сказано, напротив, будто Гита (sic!) была дочерью Мономаха и женою Гарольда; что есть вздор.

В другом месте, по поводу общественного деятеля в Прибалтике, русского патриота и эстонца по происхождению, Алексея Янсона, автор сообщает,

Языковые уродства Я ТАК НЕ ПИСАЛ!

В моей заметке о кинорежиссере Р. Полянском, в “Нашей Стране” № 2595-2596 налицо крайне досадная опечатка. Я говорил, что он поставил “несколько страшных демонологических фильмов”, добавляя: “и очень искусно”. Вместо того поставлено “и очень грустно!”

Получается, будто я эмоционально протестую против кинокартин на тему о нечистой силе. А это неверно! Злые силы существуют, и к несчастью, мы в нынешней жизни часто встречаемся с их проявлениями. Другое дело, о них можно по разному писать или их по разному показывать на экране. Но в данном случае я отнюдь не осуждал Полянского за выбор подобных сюжетов.

Далее, в том же номере, нововведенное в русский язык слово

что его казнили большевики, а в аннотации его казнь приписывается немцам. Тут уж просто не знаешь, кому и верить! Зверства чекистов в Латвии, Эстонии и Литве были чудовищными и огромного размаха; но и национал-социалисты охулки на руку не клали (хотя за Советами им было не угнаться никак...).

Удивительна фраза (на сей раз в тексте, а не в примечаниях), что Эфрон (муж Цветаевой) “бежал в Испанию”.

Некоторые другие утверждения составителя повисают в воздухе, ибо непонятно, из каких источников взяты.

Например, о том, что некоторые старые эмигранты не признавали Пушкина за русского поэта, ввиду его африканского происхождения. Конечно, дуракам закон не писан! Но все же: кто и когда?

Или вдруг Лжедмитрию приписывается... гомосексуализм. Защищать память Гришки Отрепьева нам ни к чему. И однако: чтобы обвинять человека в подобной мерзости, — надо же иметь основания! И на них, если есть, следовало указать...

Далее: мы решительно не согласны с концепцией автора (если мы ее верно понимаем) уравнивать писателей старой России как Тургенев, Гоголь, Достоевский, Боборыкин и многие другие с эмигрантами. Это вещи совершенно разного рода! Речь идет о людях, живших за границей временно и добровольно и свободно в Россию возвращавшихся. А эмиграция есть нечто совсем иное.

Вот Курбского можно считать политическим эмигрантом и, конечно, были другие в том же положении; правда, что никто из них, вроде бы, не проявлял себя, как он, талантливым литератором.

Касательно отсчета волн эмиграции, мы бы готовы признать, что эмиграцию после Второй Мировой войны следует считать третьей, а не второй; но на этот счет установилась прочная традиция, и лучше уж ей следовать.

Деление на более мелкие группы (Глад предлагает... 12!)

скрейзиться почему-то напечатано как скреизиться. Такие формы по русски просто невозможны!

ЛОЗАНА

В том же номере газеты, в неподписанной заметке “За отрицание холокоста” (какое отвратительное слово!) говорится о Лозане.

Этот швейцарский город по русски всегда называется Лозанна (через 2 н).

В том числе у наших классиков и во всех учебниках географии.

Не надо бы нам следовать дурному примеру “Русской Мысли” в деле искажения иностранных имен и названий!

В той же заметке упоминается журнал “Курьер дю Континент”. Такого не существует, а есть “Курье дю Континан”.

Если передавать французские слова русскими буквами, то это следует делать грамотно, а не фантазировать.

Аркадий Рахманов

удобно для специалистов (каждый случай, в сущности, особый!), но практически неприменимо.

Переходя к сути разбираемого исследования, кидается в глаза бедность места и внимания отведенных второй волне, в ущерб двум другим.

Даже на нескольких страницах, посвященных писателям и журналистам второй эмиграции значительная часть уделена балтийцам как талантливая и политически трезвая Сабурова и бесцветный и бездарный Чиннов; тогда как они бесспорно принадлежат старой, а не новой эмиграции. Относительно же настоящих писателей и поэтов данной волны, даже тех, чье творчество бесспорно представляет высокую художественную ценность (Н. Нароков, С. Максимов, Н. Ульянов, И. Елагин, О. Ильинский и др.), американский литературовед их трактует кратко и, в основном, пренебрежительно.

К первой волне он гораздо снисходительнее и доброжелательнее (особенно к ее левой части). Впрочем, — таков установившийся канон (в значительной степени с легкой руки советских экспертов).

За что стоит обозревателя похвалить, это за то, что о выдачах власовцев, остовцев и всех, имевших несчастье являться советскими гражданами, он говорит без одобрения и даже с довольно решительным осуждением.

Картину же эмигрантских жизни и печати времен после разгрома Германии Глад рисует слишком сжато — и потому неверно. Он не упоминает вовсе о твердо взятом тогда Америкой (и за ней всеми “союзниками”) курсе на тотальную русофобию (вспомним пресловутую теорию, что русские дети завертывались в пеленки, и потому навсегда оставались неполноценными!) и на расчленение России. Именно из-за этих принципов никакое объединение эмиграции против большевизма в акции “холодной войны” и оказалось невозможным. Участие в американских предприятиях требовало от русских отказа от патриотизма и нестерпимых компромиссов с совестью; к чести русского рассеяния, лишь немногие на то пошли.

Удивляет (даже и учитывая необъятность сюжета) отсутствие многих имен, игравших значительную роль в литературной жизни русского Зарубежья и типичных с той или иной стороны. Скажем, Корякова (не желавшего присоединиться ко второй волне), князя Оболенского (редактировавшего много лет журнал “Возрождение”) и скольких еще других! Тогда как десятки других названы только по имени, без уточнения; что порою просто удивляет.

Со всем тем, и вопреки неточностям, ошибкам и промахам, — книга Глада составляет ценнейший справочник; даже для русских, а уж для иностранцев и подавно.

Так что придирайтесь к мелочам мы, вполне сознательно, не будем.

Владимир Рудинский

ЛЮДМИЛА ФОСТЕР

КНИГА О РУССКОМ ЗАРУБЕЖЬЕ

Книга Джона Глэда “Россия за рубежом” опубликована совместно американскими издательствами “Эрмитаж” и “Бёрчбарк Пресс” в 1999 году.

Доктор Джон Глэд, литературовед и переводчик, работал над этим монументальным трудом лет 25-30 — ровно столько, сколько я его знаю... Он житель Вашингтона, уроженец штата Индиана. За эти годы он издал несколько книг о литературе эмиграции: “Литература в изгнании” (материалы научной конференции о писателях разных стран); сборник интервью с 27-ю российскими писателями “Беседы в изгнании” (на русском и английском языках); английский перевод избранных “Колымских рассказов” Варлама Шаламова.

Книга “Russia Abroad” — поистине энциклопедия россиян, находящихся за пределами России: как русских, так и представителей иных этнических групп, как приезжающих с визитом, так и проживающих за рубежом постоянно или временно. Пространство книги — весь земной шар, буквально все континенты, кроме разве что Антарктики! Временной параметр также монументален: с десятого века до наших дней...

Безусловно, наибольшее внимание уделено писателям, но мы встречаем в книге также публицистов и политиков, церковных деятелей и коммерсантов, художников и музыкантов, генералов и мемуаристов, артистов и издателей. И еще самых разнообразных людей, оставивших свой след в той или иной сфере их деятельности как в странах своего пребывания, так и на родине.

Книга разделена на две части: повествовательная (с. 1-489) и справочная (с. 490-736). В первой части водораздел, конечно, политический: досоветский период и советский период — до распада СССР в 1991 году. Постсоветское время обозначено лишь в общих чертах. Вторая часть книги состоит из трех разделов: 1) хронология исторических и литературных событий, публикаций, биографические подробности и т. д. по годам (а зачастую и буквально по дням!), 2) список источников и 3) алфавитный указатель всех тех, кто упоминается в книге, с краткими биографическими сведениями и с указанием страниц. И если первая часть читается как интересный репортаж, то вторая часть — это первоклассный научный труд.

Вполне понятно, что в работу такого объема могли вкрасться некоторые неточности. Несколько авторов уже пожаловались мне, что не все их книги упомянуты. Алфавитный указатель также содержит ряд ошибок и

упущений. Так, всего шесть строчек уделено, например, творчеству Ивана Елагина, на мой взгляд, лучшего поэта российского зарубежья.

Но не будем считать ангелов на конце иглы, как это делал покойный Глеб Струве... Эта книга — интеллектуальная, художественная и даже политическая история нашей диаспоры. Джон Глэд не задается вопросом: была ли у русских за границей культурная или политическая миссия, было ли это ответвление основного русла русской культуры или отдельный феномен? Он не дает оценок тому или иному автору или деятелю, не высказывает предпочтения одной волне эмиграции перед другой. Он объективно приводит факты, а в случае спора, цитирует обе стороны. Внимательный читатель сам делает для себя многие выводы.

Вот несколько из моих.

Роль русской зарубежной литературы была оценена на мировом уровне: из пяти Нобелевских премий четыре (!) были присуждены за книги, вышедшие за пределами Советского Союза — Бунину, Пастернаку, Солженицыну и Бродскому. Лишь после усиленного лоббирования со стороны советских властей Нобелевская премия была присуждена Шолохову, да и то его авторство “Тихого Дона” по сей день оспаривается.

Политические публикации диссидентов нередко оказывали вполне реальное влияние на умонастроения как за границей, так и в России, и так или иначе сказывались на ходе исторического процесса. Совершенно бесценна мемуаристика, изданная за границей свидетелями и участниками исторических событий. Она не только дополняет, но и корректирует официальную версию советских ученых. Сюда же следует отнести и романы о революции и Гражданской войне, написанные “побежденной стороной”... Их авторы сами были свидетелями и участниками событий и описывали все увиденное и пережитое на личном опыте, без указки советских цензоров. Здесь и “Окаянные дни” Бунина, и “Солнце мертвых” Шмелева, и, несомненно, самый главный роман о Гражданской войне — “От двуглавого орла к красному знамени” генерала Петра Краснова. Кстати, интересно отметить, что эта книга была переведена в Америке на английский язык, и Голливуд собирался поставить по ней фильм. Но не поставил, как я всегда предполагала, из политических соображений. К слову, этим летом я прочитала в журнале “Огонек” воспомина-

ния Владимира Познера о своем отце, где он пишет, что тот работал в Голливуде, будучи “информатором” НКВД.

Особо отмечена в книге Джона Глэда благородная и самоотверженная деятельность издателей в разных странах. Ведь книги выпускались мизерными тиражами (по 500 экземпляров), поэтому многие авторы могли печататься преимущественно в альманахах или сборниках, в журналах или даже в газетах. Собирать их наследие — весьма трудоемкое и сложное занятие, под статью, скорее, исследовательскому институту, чем ученому-одиночке...

В книге отмечаются и деятели искусства. Музыкантам, композиторам, художникам, танцорам в эмиграции удавалось легче получить признание и войти в культурную жизнь страны своего проживания. Эти люди также оставили “русский след” в мировой культуре.

Не забывает автор также и миллионы советских граждан, оказавшихся по эту сторону фронта во время Второй Мировой войны. В хронологическом разделе книги (где вкратце излагается история пребывания русских за границей) Глэд пишет о миллионах советских военнопленных в нацистских лагерях, об их немногих публикациях, о генерале Власове и его антикоммунистическом движении, о насильственной выдаче союзниками войскам НКВД многих русских после окончания войны.

Жаль, что в книге не приведены воспоминания Николая Краснова (племянника генерала Петра Краснова), изданные газетой “Русская Жизнь” в Сан-Франциско в 1957 году. Николай провел 10 лет в советском концлагере и был выпущен только благодаря тому, что родился в Югославии и никогда не был советским подданным.

В разделе, посвященном досоветскому периоду, описана деятельность россиян, посетивших зарубежные страны с визитами или временно проживающие в них (начиная с князя Олега и Анны Ярославны). Тут и игумен Даниил, опиравший свое хождение во Святую Землю, и Афанасий Никитин, и Тредьяковский с Ломоносовым, Мандельштам, Пастернак и другие. И, я бы сказала, — родоначальник русской зарубежной литературы князь Андрей Курбский, переписка которого с Иваном Грозным получила свое самое известное отражение в “Письме вождам” Александра Солженицына, хотя вожди, в отличие от Ивана Грозного, ответили ему только наручниками...

Советский период разделен по “волнам” эмиграции. Хотя и первая и вторая волны — обе были исключительно политическими, автор обращает внимание на то, что между эмигрантами первой и второй волны взаимопонимания не было: первые с подозрением относились ко вторым...

Эта подозрительность и даже враждебность описаны в книге вполне объективно, но я лично помню тогдашнее кипение страстей, которое не миновало даже такую благотворительную организацию, как Толстовский Фонд. Дама из Чехии, которая проводила интервью на предмет выдачи вызова, хвалилась моим родителям, что “рубил советских”, которые, чтобы спастись от депортации, говорили о своем приезде не из СССР, а из Западной Европы...

Говоря о третьей, преимущественно еврейской волне, Джон Глэд сразу же ставит вопрос: считают ли они себя евреями или русскими по культуре? “В данной книге, — пишет он, — все они считаются русскими за границей, так как в основу книги положена не этническая принадлежность, а, скорее, лингвистическая”. Поэтому в книгу включены любые авторы, пишущие на русском языке. Тем не менее, автор упоминает и о спорах между этнически русскими деятелями за границей и эмигрантами-евреями. Добавлю от себя, что такой вопрос не возникал в среде эмигрантов первой волны. Я убедилась в этом, когда составляла библиографию русской зарубежной литературы 1918-1968 гг. Тогда и русские, и евреи были объединены неприятием советской власти. Их оппонентами были те — и русские и евреи, — которые не видели врага в советском режиме. А во время Второй Мировой войны раскол происходил между теми, кто остался советскими патриотами, и теми, кто шел “хоть с чертом, но против Сталина”.

К сожалению, автор книги не говорит о различиях между добровольными эмигрантами (иммигрантами) третьей волны и теми немногими (человек 30), которые были высланы насильно и лишены советского гражданства — Солженицын, Буковский, Копелев, Кузнецов, Ростропович, Войнович, Аксенов и др.

О книге Джона Глэда можно писать без конца. В одном я полностью согласна с другими рецензентами: это — ценнейший труд, интересный сам по себе, и в то же время являющийся основой для многих дальнейших исследований.

ЛЮДМИЛА ФОСТЕР

Николай Казанцев

ВЕРХОГЛЯДСТВО

При всех отмеченных Людмилой Фостер и Владимиром Рудинским достоинствах, книга Глэда «Россия за границей» не лишена и крупных недостатков, которые нельзя обойти молчанием. В особенности она оставляет желать лучшего, когда речь идет о правом фланге русской эмиграции, и в частности — когда автор скользит по «Нашей Стране»... и соскальзывает в то, что Достоевский называл «белибердизмом».

Сам Глэд отмечает, что газета выходит и по сей день. Она имеет представителей и сотрудников в США: американскому слависту ничего не стоило бы своевременно вывернуть свои сведения.

Конечно можно подумать, что он намеренно допускает искажения в силу своей бывшей причастности к Институту Кеннана, симпатией к русскому почвенничеству отнюдь не отличавшемуся. Однако предпочтем рассматривать эти огрехи просто как результат верхоглядства, тем паче, что оно обнаруживается в самых разных пассажах книги.

Начнем с того, что Глэд повторяет те же факты, теми же словами, по два и по три раза в различных местах (неужто ему до зарезу надо было довести свой труд до бегемотного объема в 736 страниц?!). Таким образом, дублируются, разумеется, и ошибки. Он трижды называет монархических деятелей Ю. К. Мейера и Н. Н. Чухнова «историками», что совершенно не соответствует действительности. (Хотя редактор «Знамени России» и написал книгу воспоминаний о военном и послевоенном времени — «В смятенные годы», — могущую послужить одним из источников для будущего историка).

К тому же он называет Чухнова «поэтом», очевидно спутав его с Чинновым или кем-то другим. Спутал же Глэд Юрия Львовича Войцеховского, совершившего покушение на советского торгпреда в Варшаве, с Сергеем Львовичем Войцеховским, резидентом кутеповской боевой организации на Польшу. (Кстати, Глэд утверждает, что кутеповские «походники» официально именовались «Лигой Национал-Террористов»).

Итак, из двух братьев, чьи судьбы сложились весьма несхоже, Глэд слепил одного человека; перемешал обе биографии, а созданному таким образом гибриду снова приписал... профессию историка! Спасший русскую эмиграцию в Польше от наступающей Красной Армии С. Л. Войцеховский оставил две ценнейшие книги воспоминаний («Трест» и «Эпизоды»), но не стал же он из-за этого историком!.. Вот поэтом он был, в отличие от Чухнова: всю жизнь писал стихи; избранные изданы отдельной книжкой.

Когда узнаешь, что Глэд перевел «Колымские рассказы», становится трепетно за Варлама Шаламова. Действовавший во Вторую Мировую войну антикоммунистический полк «Варяг» американский славист обозначает как «Полк Варангян»(!). И если Глэд не имеет понятия об имени основателя династии Рюриковичей, то не диво, что прославленного белого генерала Антона Васильевича Туркула он упорно называет «Андреем». Искажает он и имя секретаря И. Л. Солоневича, Николая Михайлова, погибшего при взрыве адской машины в Софии в 1938-м году.

Русских белых в оккупированной Вермахтом Сербии Глэд пытается представить в самом неприглядном виде, причем командира Русского Корпуса, называет фон Штейфеном, дабы выдать его за немца.

Насколько слабо разбирается Глэд в создавшейся тогда обстановке — и в русском языке — свидетельствует такой перл: перечисляя русские антикоммунистические формирования времен Второй Мировой войны, помимо «полка Варангян», он называет некую Дружину «Бригада»! Ну, чем это лучше «Ивана Четвертого, за свою жестокость прозванного Васильевичем»?

Для Глэда характерно желание приписать русским правым слабость к нацизму и его постулатам. Так, довоенное Русское Социал-Национальное Движение полковника Скало-

на он бессовестно переделывает в «Русское Национал-Социалистическое Движение».

К схожей подтасовке он прибегает в отношении «Нашей Страны». Глэд пространно цитирует — как типичную — статью Н. А. Нефедова о нерусском происхождении Михайло Михайлова, тщась создать впечатление об «антисемитизме» газеты. На самом же деле «Наша Страна» всегда, с времен И. Л. Солоневича, от юдофобии отмежевывалась.

Да и статьи Н. А. Нефедова появлялись эпизодически. Раз Глэд хотел де передать «вкус и дух» издания, почему он не процитировал, скажем, Владимира Рудинского, сотрудничавшего в «Нашей Стране» уже более полувека? О нем Глэд пишет, (представляя лишь как критика журнала «Голос Зарубежья», выходявшего в Мюнхене под редакцией В. Пирожковой) следующее:

«Полемический тон журнала задавали регулярные обзоры эмигрантской печати В. Рудинского. В своих воинственных заметках Рудинский не щадил буквально никого, но даже его недоброжелателям не терпелось увидеть кого он исполюсует в очередном выпуске».

Во-первых Рудинский писал не только в «Голосе Зарубежья», а повсюду, и не только критику. А главное: в своих критических статьях он столько же хвалил, как и ругал. Да и что иное критик вообще может делать? Правда, Рудинский когда-то и самого Глэда продернул как невежду. Inde ira...

ПИСЬМО ИЗ РОССИИ

ОПЕРАЦИЯ «ПЕРУН»

Прочитал в «Нашей Стране» упоминание об операции «Перун» о проекте уничтожении большевистских памятников. Полностью разделяю ее необходимость, но думаю, что название выбрано не совсем удачно. Перун — древнерусский бог, бог Рюрика, Олега и Святослава, бог русских храбров, разрушивших Хазарский каганат и совсем неправильно было бы отметить дохристианский период Руси (в котором глубинные основы русского самосознания). Тем более нет никакого резона ставить того, кого считали покровителем древнерусского воинства по одну сторону с разрушителями русского самосознания — большевиками.

В начале 90-х годов во Владикавказе был снесен памятник Орджоникидзе. В этом порыве тогда проявились антигрузинские настроения осетин и казачья ненависть к этому большевистскому деятелю, уговорившему в 18 году ингушей напасть на Сунженские станицы. Народ долго потешался над его сапогами, несколько недель (!) простоявшими на постаменте (памятник демонтировали по частям).

А вот на «Ильича» и Кирова республиканские власти разрешения не дали, выявив тем самым свою сущность. Тогда памятник Ленина пытались взорвать ночью, но видно заряд оказался слабоват — «Ильичу» оторвало пятку. «Оскорбление священной памяти» не на шутку всполошило правительство президента Галзова: несмотря на свою «демократичность» он, видимо, немало обязан большевикам. Пятку приваривали несколько дней, также веселя публику.

Впрочем, «пример правильных» отношения к красным святыням был продемонстрирован неизвестными и молодежь неоднократно украшала бюсты «Ильича» переворотными урнами и тарными ящиками, а протянутую длань Кирова пустыми пивными бутылками.

Стоит отметить, что и задолго до этого истуканы не пользовались особым почтением в народе: известный бюст Ленина перед зданием местной администрации окрестили «головой профессора Доуэля», (Имелся в виду сюжет писателя-фантаста А. Р. Беляева об оживлении отторгнутой головы профессора медицины его полусумасшедшим учеником). Народное название памятника государя некоторым анатомическим подробностям звучит и вовсе не для печати.

Весьма неряшливо составлена аннотация упоминаемых имен: то и дело Глэд отсылает к странице, где данное имя начисто отсутствует. Небрежен он и к датам: для него Иван Солоневич умер в 1954-м году (на деле — в 1953-м). Автор не удосужился узнать год рождения В. Рудинского, ни даты рождения и смерти писателей Михаила Бойкова и Тamarцева-Башилова (сего последнего окрестил «Николаем»).

Глэд называет Н. Кусакова «романистом», тогда как за исключением повести «Всюду жизнь», покойный сотрудник «Нашей Страны» писал книги исключительно на религиозно-церковные темы.

Но особенно ярко проявляется верхоглядство автора, когда он называет «писателем» известного в эмиграции актера Георгия Томина, поместившего за всю свою жизнь один единственный рассказ в вышедшем в 1951-м году, в Буэнос Айресе, сборнике «Южный Крест».

Смехотворно его утверждение, что «среди 5.000 русских эмигрантов, прибывших после войны в Аргентину, было удивительно много журналистов». Редакторы и сотрудники действительно многочисленных в ту пору в Буэнос Айресе русских газет и журналов были почти сплошь офицерами Русской Императорской Армии, (следовательно — людьми культурными), сменившими оружие на печатное слово в своем служении России.

Ошибочно называя других историками, сам Глэд «плавает» в этой области аж до неприличия. Так, он дважды утверждает, что «Наша Страна» и Иван Солоневич переехали из Софии в Буэнос Айрес в 1948-м году! Следовательно, либо американский славист убежден, что до этого года в Болгарии не было коммунистического режима... либо, что болгарские коммунисты разрешали издавать у себя русскую монархическую антикоммунистическую газету?

Здесь уже налицо не поверхностность, а самое дремучее невежество. Правда, для американца это не в диковинку: ведь сам президент Джеральд Форд не знал, что в Польше коммунизм.

В сегодняшних американских университетских кругах довлеет императив: publish or perish! (публикуй или погибай!). Вот и поторопился Глэд опубликовать недоваренный, непроверенный труд, лишь для приукрашения — среди неискушенных — своего академического профиля.

Перечень его ошибок можно бы продлить до бесконечности. Да что с американского «школяра» взять? Как говаривал Клемансо, янки перескочили из варварства в цивилизацию, миновав стадию культуры.

В. Кириллов (Владикавказ)

Николай Казанцев

К. Вельяминов

ХОТЯТ ПРИСВОИТЬ ПИСАТЕЛЯ

Как сообщила французская пресса, останки писателя Ивана Шмелева и его жены Ольги Кутыриной, находившиеся на кладбище Сент Женеьев де Буа, под Парижем, были репатрированы в Москву.

Газеты отметили, что автор “Лета Господня” родившийся в Москве в 1873 году “известен языком сильно насыщенным русским фольклором! После того как большевики расстреляли в Крыму его сына, писатель эмигрировал в 1922 году.

Согласно “Большой Советской Энциклопедии”, став эмигрантом, Шмелев начал писать антисоветские книги, полные сожаления о прошлом, дореволюционном периоде.

Во французской прессе было указано, что “затя с присвоением тела умершего изобличается русской эмиграцией как низкий трюк путинской пропаганды. Эмиграция не забывает, что Шмелев хотел быть похоронен в родной стране, но только при условии, что Россия освободится от коммунизма. А участие бывшего полковника КГБ, лишь слегка перекрасившегося, в деле возвращения останков, вовсе не отвечает чаяниям Шмелева”.

Когда готовилась “реабилитация” Шмелева, то повод был указан: что его книги начина-

ют распространяться в России. А на самом деле бедный наш писатель должен был пройти через “дезинфекцию”! Это лишний раз показывает, что в теперешней России примирение белых и красных понимается так: белые от своей идеологии должны отказываться и допустить идеологию красную! Имеется Кадетский Корпус Императора Николая Второго (чей директор славословит чекистов), но и другой — маршала Жукова! Так все.

Если у кого будет намерение “реабилитировать” генерала Краснова или генерала Власова, то только при условии, если доказать, что они просто ошибались, или их заставили (пресловутая ерундовая мысль, что шли в РОА чтобы избежать немецкие концлагеря).

Вот и бедного Шмелева описали несчастным, на которого воздействовали чуть ли не террором сослуживцы его сына, чтобы он подписал “антибольшевицкое воззвание”. И он де не выдержал! Свою ошибку мол потом признал и т. д. Писал в пронемецком “Парижском Вестнике”? Да, но не был де идеологом газеты.

Одним словом, переделывают биографию писателя.

К. Вельяминов

ПЕЧАТЬ

НЕ ТРЕБУЙТЕ МНОГО!

В газете “Аргументы и Факты” № 7 от с. г., в статье “С крестом, но без Христа”, Д. Писаренко считает, что: “молодежь вкатывается в веру неосознанно”. Однако, вот какие факты он сообщает:

“Согласно соцопросам, 10 лет назад только 10 % россиян утверждали, что они верят в Бога. Уже спустя 5 лет картина кардинально изменилась: 10 % оставались заядлыми атеистами, а остальные либо “уверовали”, либо признавались, что вот-вот “уверуют”. Сейчас ситуация такова: половина населения считает себя верующими, но при этом у многих вера в Бога благополучно сочетается с верой в эзотерику, мистику и не мешает им наведываться к магам и колдунам, коих православная Церковь не жалуется”.

Что ж, наши предки в Киевской и Московской Руси истово веровали в Бога, притом по православному, — а в колдунов своим чередом (иначе колдуны не сохранились бы, в том числе в деревенском быту, вплоть до революции... и даже до наших дней). Грех-то грех; но кто без греха? А в остальном автор тут путает веру в Бога вообще и православие: а сие — вещи разные. В целом же то, что он сообщает, свидетельствует, что

в Эрефии идет вполне положительный процесс, хотя и медленно (а иначе-то бы и невозможно).

Он неодобрительно ссылается на то, что мол молодежь иногда на вопрос, что значит быть христианином, отвечает: “Быть христианином — это значит быть порядочным человеком”, (но ведь тут есть зерно истины! — и даже — побольше зерна...), добавляя: “И мало кто вспоминает при этом нагорную проповедь или способен пересказать евангельский сюжет”.

Уместна ли тут строгость? Люди стоят на правильном пути, — а остальное приложится! Да, может быть, правильное понимание вещей, в тех условиях, не так легко и дается.

А вот другое сообщение тут же выглядит странно: “В ходе проведенного опроса “Назовите 100 героев России всех времен” только 4 % респондентов указывают хоть кого-то имеющего (или имевшего) отношение к православной Церкви”.

Правильное ли здесь толкование? Навряд ли не называют, скажем, св. Александра Невского, Суворова, а то и Солженицына, — и они все имели к Церкви прямое отношение! Если же не называют свв. Сергия Радонежского или Гермона, — то опять же, не забудем долгие годы советского гнета, когда о них было принято молчать.

В. Р.

ЦАРЬ НИКОЛАЙ

Слова Г. Пономарева
Поёт Жанна Бичевская

Я тишину вздохом нарушу
Затрепетав, как у креста.
С календаря смотрит мне в душу
Царь Николай взором Христа.

Стыдно глядеть в царские очи,
Но оторвать взора нет сил.
И я шепчу тихо среди ночи,
Царь Николай, Ты всех простил!

Капают слезы, светятся лики,
Чувствую жертвы твоей высоту.
Царь Николай — самый великий,
Он за вечерней всех ближе к Христу.

Новые скорби и новые беды
Шлет сатана Православной Руси.
Царь наше знамя грядущей победы,
Царь наше чаяние на небеси.

В веке семнадцатом, Богу в угоду,
Русский народ, как едины уста,
Клялся на верность Романову роду,
Вплоть до Второго Прихода Христа.

Всё в новых бедах народ изнывает,
Но не погибнет тобою храним.
Тем, кто в молитвах царя призывает
Сразу на помощь является к ним.

Бог отведет страшные беды,
Русь одарит Божьим вождем,
Царь Николай — наша победа
Небом прославлен; так что же мы ждем?

Не растопив архиерейского сердца,
И не услышав — “увы, мне, увывы!”,
Плачет икона Царя-Страстотерпца
Миром священным во храмах Москвы.

Как на кресте, на полу распростертый,
Ты претерпел за Христа до конца
Выкупив Русь искупительной жертвой
Богом увенчан сиянием венца.

В доме Ипатьева камни валились,
В дырках от пуль лилась царская кровь.
Перед тем ангелы трубы трубили,
Царь Николай, твое имя — любовь.

Средь ритуальных заклятий и стонов,
Всеми оставленный, родину спас.
Но до сих пор не с икон освященных,
А с фотографий взираешь на нас.

Только поклонится люд Лжемессии,
Встанет за Русь православная рать.
Время настанет и в Царской России
Будет весь мир свои души спасать.

Жизнь протекает безрадостно мимо,
Свечками дни проплывают горя,
Но счастлив я, что в России любимой
Смог исповедать Святого Царя.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

ГОЛГОФА ЦАРЯ

Нам пишут из Екатеринбурга:

Местный корреспондент агентства “Франс Пресс” сообщил, что “для многих русских христиан место в этом городе, где был убит большевиками последний русский царь — настолько свято, как и Голгофа в Иерусалиме”.

С 1991 года здесь ежедневно идут богослужения и, по свидетельству верующих, совершаются чудеса.

Агентство приводит слова 48-летней Галины Петровой: “Когда я была пионеркой, нас приводили сюда, на место где убили царя, и говорили, что это был хороший поступок. Но без царя Россия теперь стала одной из самых отсталых стран, в то время как другие нации, вроде Великобритании, сохранили монархию и теперь процветают”.

“ПРАВОЕ ПОВЕТРИЕ”

Нам пишут из Мюнхена:

На фоне роста консервативных движений в Западной Европе, вручение одной из самых престижных литературных премий Германии историку Эрнсту Нольте вызвало острую полемику.

Нольте считает, что антисемитизм Гитлера имел “рациональное ядро” и что нацизм был, в сущности, ответом на большевизм. Историк был награжден премией Конрада Аденауэра, которую ранее получил бывший канцлер Гельмут Коль. Она присуждается Немецким Фондом в Мюнхене за труды “способствующие лучшему будущему”. Фонд является консервативной организацией и представляет правое крыло демокристической партии, но до сих пор никогда не был обличен в “реакционности” или “ревизионизме”.

Принимая премию, Нольте сказал: “Мы должны оставить позади идею, что противное целям национал-социалистов всегда хорошее и правильное”. И добавил: “Нацизм был самой могущественной антибольшевицкой силой, а большевизм пользовался широкой поддержкой евреев”.

Гарвардский историк Чарльз Майер заявил, что “присуждение премии является недвусмысленной декларацией имеющей целью распространить идею, что нет ничего плохого в нацизме в свете того, что некоторые немцы называют “Красным Голокостом” в Советском Союзе. Это простиительно в контексте Германии. Но это тоже поистине скандально”.

Нольте недавно прочел с большим успехом доклад на эту же тему в Париже. Во Франции также наблюдается некая консерва-

тивная реакция против левых, обвиняемых в содействии тому стиранию различий, которое в конечном итоге приведет к исчезновению национальных государств в Европе.

Немецкий историк нападает на сторонников необратимого перехода к глобальной цивилизации и протестует против “коллективного обвинения Германии”, начиная с 1945 года.

Успех Гайдера в Австрии объясняется именно тем, что он выступил против “интеллектуальной тирании” левых. “Если принять во внимание, что правых всюду преследуют, можно считать правое поветрие весьма положительным”, заявил Нольте. “Правый национализм в сегодняшнем мире является чисто оборонительным”.

РЕВЕРАНСЫ СТАЛИНУ

Нам пишут из Москвы:

Сторублевую памятную монету с изображением Сталина выпустил ко “Дню Победы” Центробанк “РФ”. Это первое за всю историю изображение на денежном знаке самого кровавого диктатора XX века.

“Комсомольская правда” сообщила, что “тем самым российские финансисты, наконец, подтвердили упорные слухи о том, что рубль объявлен врагом народа”.

ДРУГ ДУДАЕВЦЕВ

Нам пишут из Владикавказа:

Правительство Осетии озабочено судьбой криминального чеченского президента Масхадова. о необходимости переговоров с которым вновь высказывался “от имени жителей республики” президент РСО-Алании Дзасохов. Когда он принял власть, три года назад, присутствовала делегация из Ичкерии во главе с министром дудаевской пропаганды — Удуговым. Видимо это внимание было столь лестно президенту Дзасохову, что во время пика нападения чеченцев на жителей Курского района Ставропольского края он всячески возражал с экранов телевидения против всех попыток казаков обратить внимание московских властей на необходимость установления надежной границы с Ичкерией.

Президент криминальной “водочной республики”, какой счи-

талась Осетия, совсем не заинтересован в упрочении положения России на Северном Кавказе. Допускать обратное было бы непростительной наивностью или потаканием убаюкивающей смеси из лжи и лести, отпускаемой осетинским президентом.

К АВТОРИТАРИЗМУ

Нам пишут из Москвы:

Опрос населения показал, что “защита Путиным идеи сильного государства завоевала сердце среднего русского человека. По словам Михаила Горшкова, директора Независимого Института Социальных и Национальных Проблем, “Путин — это результат сдвига в массовом сознании. Русские люди отвергают революционные методы, “рейтинг” Ленина и Сталина сильно упал”.

Упомянутое учреждение, совместно с немецким Фондом Фридриха Эберта провело опрос, согласно результатам которого “в 1995 году большинство советских вождей, включая Ленина и Сталина, воспринимались в лучшем свете чем последний русский царь Николай Второй. Теперь же, царь более популярен, чем убившие его большевики”.

По мнению исследователей, успех путинского курса на законность и порядок показывает уклон публики в сторону авторитаризма. Опрос свидетельствует, что несмотря на все призывы западных либералов, традиционно настроенные пласты общества являются сторонниками авторитарной власти и приветствовали бы установление в России режима пиночетовского стиля.

ОТКЛИК НА ГАЗЕТУ

Нам пишут из Москвы:

Газета “Я русский” № 34 перепечатала из раздела “Политическая хроника” газеты “Наша Страна” заметку “Зверства чеченцев”.

90-ЛЕТИЕ НРС

Нам пишут из Нью Йорка:

Михаил Эдич написал в “Новом Русском Слове”, что “политики из высшего эшелона в лице Билла Клинтона, Владимира Путина и Михаила Горбачева, а также государственные мужи рангом пониже, не говоря уже об извест-

ных в России и в нашей общине деятелях искусства и литературы, отдали должное 90-летию эмигрантской газеты”.

Автор статьи помещенной в юбилейном выпуске ньюйоркской русскоязычной газеты высокопарно добавил, что “НРС, успешно реализовав возможности американского образа жизни, приняла вызов нового тысячелетия, став символом Русской Америки”.

ДЖЕЙН ФОНДА

Нам пишут из Нью Йорка:

В интервью, опубликованном в журнале “О”, знаменитая голливудская кинозвезда Джейн Фонда призналась: она сожалеет о том, что во время поездки в Ханой для поддержки коммунистического Вьетнама в 1972 году сфотографировалась с переносной зенитной установкой в руках. “Это была самая ужасная вещь, которую я сделала за всю свою жизнь”, подчеркнула Фонда.

Киноактриса также рассказала о своем недавнем обращении в христианство. Она развелась с мультимиллионером Тедом Тернером, выступавшим с антихристианскими заявлениями.

УРОВЕНЬ КОРРУПЦИИ

Нам пишут из Мюнхена:

Специалисты Европейского Банка Реконструкции и Развития провели анализ деятельности около трех тысяч компаний бывших социалистических стран и подсчитали какую сумму из годового дохода эти фирмы вынуждены выплачивать в виде взяток.

Оказалось, что по этому показателю первенство принадлежит Грузии (8,1%). Затем идут Армения (6,8%), Азербайджан (6,6%), Украина (6,5%), Молдавия (6,1%), Узбекистан (5,7%), Киргизия (5,5%), Казахстан (4,7%).

МАРИЯ ВОЛКОВА

Нам пишут из Верного:

Литературно-художественный журнал “Простор” опубликовал подборку стихов белой казачьей поэтессы Марии Волковой (1902-1983), сопроводив ее вступительной статьей М. Н. Ивлева.

Судьба Волковой связана с Казахстаном. М. Н. Ивлев отметил, что, судя по некоторым ее стихам, она близко сотрудничала с белым военачальником Анненковым, когда основные силы казаков уже отступили в Китай.

По словам Ивлева, “лирика Волковой в лучших ее творениях приближается к вершинам того, что впоследствии было названо “белогвардейской” поэзией.

Волею Божией 22 мая с. г. на 88 году жизни в Вижа Бажестере, пригороде Буэнос Айреса, скончался

**художник и архитектор
ЮРИЙ ПЕТРОВИЧ РИНАЛЬДИ-ПЕТРОВСКИЙ**

**В 40-ой день кончины — 30 июня с. г. в 12 часов в храме Святого Сергия Радонежского на улице Фалучо —
ыбыла отслужена панихида.**

О чем со скорбью сообщает вдова покойного.